

Толкачева С. В. Веник как атрибут традиционной русской свадьбы в Удмуртской Республике / С. В. Толкачева // Научный диалог. — 2017. — № 6. — С. 83—95. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-83-95.

Tolkachova, S. V. (2017). Broom as Attribute of Traditional Russian Wedding in Udmurt Republic. *Nauchnyy dialog*, 6: 83-95. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-83-95. (In Russ.).

УДК 398.8(470.51)

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-83-95

Веник как атрибут традиционной русской свадьбы в Удмуртской Республике

© Толкачева Светлана Викторовна (2017), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия), svetlana-tolk@mail.ru.

Статья посвящена особенностям символики и ритуального функционирования одного из атрибутов русской свадебной обрядности современной Удмуртской Республики — веника. Охарактеризованы элементы свадебного обряда, в которых веник использовался в качестве ритуального предмета. Приводятся диалектные обозначения обрядовых действий с использованием веника. Обобщены сведения о функциях данного предмета свадебной обрядности. Показано, что выметание сора веником на второй или третий день свадьбы символически обозначало завершение пространственного перехода невесты и приобщение ее к роду мужа. Отмечается, что веник выполнял медиативную (посредническую) функцию в свадебных гаданиях, в обычаях «поездка по веники» и «хлестание ряженных». Указано, что очистительная функция веника в традиционном свадебном обряде русского населения Удмуртии проявлялась и на уровне символики, и на бытовом уровне. Отгонная семантика веника рассматривается на примере описания обычая «разгонный веник», зафиксированного В. Г. Болдыревой. Показано, что некоторые другие свадебные атрибуты обладают аналогичными функциями. Выявлена значительная степень варьирования символического наполнения и ритуального статуса веника в зависимости от диалектной фольклорной традиции, вида свадебного эпизода и цели его совершения.

Ключевые слова: традиционная свадьба; русский фольклор Удмуртии; веник; атрибутивный код.

1. Введение

В свадебных обрядах русского населения Удмуртии одним из значимых атрибутов являлся веник. В зависимости от соотношенности свадебного обряда с этнокультурными ареалами русской фольклорной традиции Удмуртии ритуальное функционирование этой вещи значительно варьировалось. Так, в некоторых локальных традициях южных районов Удмуртии венику посвящался относительно завершённый свадебный эпизод. В ряде населённых пунктов веник использовался в гадании, проходившем накануне дня свадьбы в обрядовой бане для невесты. Повсеместно веником выметался пол на второй день свадьбы. В единичных фиксациях свадебного обряда веник фигурировал в действиях ряженных второго свадебного дня. Также сходные с веником функции в некоторых свадебных эпизодах могли выполнять другие свадебные атрибуты, например, мыло, мочало, пряники.

Утилитарная функция веника, по словам Г. Н. Виноградовой и С. М. Толстой, «как орудия метения, очищения дома» вследствие его контакта с грязью, мусором становилась основой символического осмысления и ритуального использования этого предмета [Виноградова и др., 1993, с. 7]. Цель настоящей работы — охарактеризовать, системно представить обрядовые действия с веником в региональных версиях русской традиционной свадьбы современной Удмуртии, выявить символическое значение веника и его ритуальный статус.

2. Поездка за *веником*

В Каракулинском, Граховском районах Удмуртии был зафиксирован обычай, имевший место накануне или за несколько дней до свадьбы, обозначавшийся информантами как *вырезают мыло и веник / по венику ездил / с веником ходят к жениху* [Толкачева, 2013, с. 18—19]. Согласно названиям этого свадебного эпизода подружки невесты украшали березовый веник лентами и лоскутками и посещали с ним жениха. В доме жениха подружки невесты демонстрировали веник, там же им вручалось мыло. Иногда девушки получали украшенный березовый веник в доме жениха. Девушек угощали, устраивали для них небольшие посиделки с плясками и круговыми хороводами. Далее с этим веником невеста парилась в бане накануне свадьбы.

В ряде локальных традиций вечер, когда невеста посещала баню накануне свадебного дня, назывался *девишником*. После приезда от жениха устраивались обрядовая баня для невесты и, далее, собственно *девишник*. Таким образом, в этих эпизодах веник символизировал род жениха, а также исполнял роль посредника между представителями рода жениха и не-

весты: *По веник ездили, от невесты к жениху за веником, невесту парить. На лошаде, человек пять. Веник делали берёзовой, и ленточек навязали. Чай пили, говорили: «На девичник поехали!».* Девки моют невесту — как по веники приехали [НОА, д. 522, т. 5, л. 8 об.].

Встречи невесты и / или ее подруг до свадьбы с женихом в ряде других локальных традиций Удмуртии могли осуществляться уже без апелляции к венику — в составе обычаев с *пряниками* и *стола мерить* [Толкачева, 2011, с. 107; Толкачева, 2013, с. 17—18]. Пряниками угощали невесту и ее подруг жених со своими друзьями во время специального визита. Данный обычай характерен для южных районов Удмуртии — Каракулинского, Воткинского. *Столы мерили* в доме жениха подруги невесты в Каракулинском районе. Во время визита к жениху девушки уточняли размеры окон, стола, жилой комнаты, чтобы завершить пошив скатертей, занавесок, половиков. Несмотря на различную мотивировку проведения этих свадебных эпизодов их заключительная часть была сходной с обрядовым действием *поездка по веники*. Девушек угощали, они могли исполнить величания гостям и жениху, после чего устраивались танцы.

Итак, в русских локальных традициях Удмуртии молодежные посиделки в ходе подготовки к свадебной церемонии организовывались различно. Они могли иметь целью измерение частей избы жениха и мебели, приобретение березового веника и совершение с ним ряда церемоний, приобщение невесты к роду жениха посредством угощения пряниками (то есть обрядовой едой) от него, установление благоприятных контактов между будущими супругами. Таким образом, в данных свадебных эпизодах и веник, и пряники, помогая установлению контактов между локусами жениха и невесты, выполняли медиативную (посредническую) функцию.

3. Гадания в бане накануне свадьбы

В обрядовых действиях русских традиционных свадеб Удмуртии медиативная (посредническая) функция веника, кроме обрядового действия *поездка по веники*, проявлялась также в банных гаданиях и в других эпизодах. В Можгинском, Якшур-Бодьинском районах Удмуртии накануне свадьбы было широко распространено гадание невесты, происходившее в бане [Толкачева, 2013, с. 18—19]. Во время мытья невеста неожиданно кидала через плечо веник. Подругу, поймавшую веник, в скором времени ожидало сватовство и свадьба. В некоторых локальных традициях невеста бросала через плечо мыло. В Можгинском районе невеста передавала мыло подругам, а те «...брали его вслепую» [Болдырева, 2008, с. 82].

Передача вещей при гадании манифестировала трансляцию лиминального («переходного») состояния невесты подругам. Банный веник или мыло символически выступали как посредники между невестой, пребывающей между «тем» и «этим» миром, и ее подругами. Выкидывая вещи после их использования, невеста как бы «дарила» их девушкам. Акцентирование информантами в рассказах о свадьбе жеста перебрасывания через плечо подчеркивает приближенность невесты к «иному» миру. Согласно этнолингвистическим исследованиям А. Н. Богаевой, «паремии с компонентом-соматизмом *плечо* связаны с ситуацией смерти» [Богаева].

В игровой форме «расставаясь» с веником, невеста демонстрировала решимость примкнуть к роду жениха и вступить в новую, очередную фазу жизни — замужней женщины. Таким образом, манипуляции с веником и другими банными принадлежностями в обрядовой бане подчеркивали символическую смену невестой социального, физического статуса, семейного положения.

Веник, которым парилась невеста, не всегда был привезенным от жениха. Поэтому, в зависимости от локальных традиций, он выступал атрибутом жениха или атрибутом невесты. Если веник был от жениха, то его использование в банной церемонии символизировало приобщение невесты к роду жениха. Если веник был невестин, то отказ от него был знаком отказа.

В любом варианте принадлежности веника — к атрибутике жениха или к атрибутике невесты — в банном гадании отчетливо прослеживается символика, которая происходит из верований, что веник являлся воплощением обиталища душ предков [Виноградова и др., 1993, с. 8—9].

Гадания в «довенечной» бане иллюстрируют функциональное сходство веника и других банных принадлежностей — мыла и мочала. Фактическое дублирование веника мылом в гадании, по-видимому, можно обосновать тем, что данные вещи предназначались для физического очищения, которое в свадебном обряде проецировалось на «внутреннее» преобразование невесты.

Своеобразная интерпретация банного гадания с веником отмечена в свадебном обряде Базинского района, где невеста «хлестала» подруг веником. Мотивация данных действий, изложенная информантами, аналогична объяснению гадания с «выбрасыванием» веника или мыла: *Невеста хлестала девок веником, чтобы те скорее замуж вышли* (информанты А. С. Обухова; Л. П. Селезнева).

Кроме уже упомянутой медиативной функции, в данном обычае вскрывается еще одна ипостась веника в русских традиционных свадьбах Удмуртии. Березовый веник выступал здесь как вещь с потенциально мощ-

ным положительным зарядом, способным без искажения передать и увеличить энергетику импульса: принадлежность веника к растительному миру усиливала магическую мощь ритуального удара.

В русской традиционной свадьбе Удмуртии ритуальные удары осуществлялись посредством веника, плети, руки. В селе Степанёнки Кезского района перед первым входом в дом мужа невесту могли *крутануть* или *толкнуть* свекор или свекровь [Толкачева, 2010, с. 121]. В южных районах Удмуртии было распространено *хлестание* плетьюми дружками — так они регулировали ход свадебного обряда. Плетви мастерились из ветвей ивы, березы, из соломы, бумаги. Рукоять обычно украшалась бумажными цветами, пестрыми лоскутами. Материал, применяемый для изготовления плетей, позволял удару быть относительно легким и тем самым «переводил» его в плоскость игры [Толкачева, 2013, с. 17, 20; Толкачева, 2015, с. 167].

4. Дружки привозят невесте банные принадлежности

Во многих местных русских фольклорных традициях Удмуртии утром свадебного дня сам жених или дружки приносили для невесты подарки. Среди даров часто присутствовал веник. Также обязательно подносились мыло, которым впоследствии умывалась невеста перед первым выходом к поезжанам [Толкачева, 2013, с. 20—21]. В деревне Дуброва Сарапульского района утром свадебного дня дружки приезжали к невесте несколько раз, поочередно передавая для нее мыло, мочало, веник. В каждый визит подружки невесты заявляли, что «невеста грязная» [Болдырева, 2008, с. 82].

Мыло, по свидетельству информантов, было обязательным атрибутом обручения, проходившего в Балезинском районе утром свадебного дня, до выхода невесты к поезжанам [Толкачева, 2013, с. 23]. Привоз мыла от жениха утром свадебного дня в северных районах Удмуртии (Балезинском, Глазовском) был знаменательным событием, поскольку вплоть до недавнего времени, по словам информантов, там мылись щёлоком. Об использовании щёлока в довенечной бане невесты прямо говорится в свадебной песне «Вечор, вечор батюшка дровчика колол», записанной в селе Сергино Балезинского района (текст песни сокращен):

...Вечор(ы), вечор матушка шишолок делала, шишолок делала.

Вечор, вечор(ы) сестрица баню топила, баню топила...

Вечор(ы), вечор Светланушка в бане парилась, в бане парилась.

Вечор(ы), вечор Викторовна шишолоком мылась... (информант Е. М. Макарова).

Необычайная очистительная сила веника в обрядовой бане для невесты в *девишник* сконцентрирована в устойчивом идиоматическом выражении,

встречающемся в северных районах Удмуртии: «*Сёдне, де, надо невесту скосарём скрести*» [Стародубцева, 1999, с. 184, 201]. *Скосарь* — местное название скребка для лошади. В этом шуточном фразеологическом обороте гиперболизированы очистительная способность березового веника и степень загрязненности невесты. Также прослеживаются древнейшие реминисценции мифологического уподобления невесты лошади — через восприятие этих свадебных персонажей как существ «лиминальных», из «иног» мира. В Балезинском районе Удмуртии данная тенденция поддерживается в свадебном песенном фольклоре [Стародубцева, 1999, с. 21—22].

5. Выметание сора на второй день свадьбы

Повсеместно в русской фольклорной традиции региона на второй день свадьбы молодуха, при общем веселье и радости, подметала пол [Стародубцева, 1999, с. 187; Толкачева, 2013, с. 29]. Этот обычай назывался *сор мести* — в солому, которой устилался пол, гостями «подбрасывались» деньги и подарки для молодых. Поскольку сор специально постоянно добавлялся гостями, подметать молодухе помогал молодой. Совместное подметание пола требовало от молодых сноровки, выдержки, вызывало желание помочь друг другу. В данной ритуальной функции веник символизировал пространство жениха. Использование веника подчеркивало завершение пространственного приобщения невесты к локусу мужа, демонстрировало целостность, единство вновь созданной семьи.

В северной части Удмуртии это обрядовое действие называлось *солому мести*. Оно проводилось еще более зрелищно, чем в южных районах Удмуртии. Здесь сор выметали метлой, а помимо соломы, денег и подарков, привлекались другие яркие атрибуты и персонажи — кукла, прялка с куделью и даже лошадь [Стародубцева, 1999, с. 187].

Таким образом, в данном обычае, по сравнению со свадебными обрядами южной Удмуртии, пространство жениха было задействовано в значительно большем объеме. В условиях свадебного обряда вещи из его жилища и домашнее животное наделялись новыми, особенными ритуальными значениями. Характерно для местной традиции также и замещение веника метлой.

Обряд подметания пола был распространен и в удмуртской традиционной свадьбе — в Можгинском и Киясовском районах Удмуртии. Обычай *пол чужон* (букв. «подметать пол») схож с русским обычаем [Окунева и др., 2015, с. 429].

В некоторых русских диалектных традициях Удмуртии среди святочных гаданий встречается гадание *сор метут*. Девушка выносит заметенный му-

сор на улицу и спрашивает имя у первого встречного мужчины. Считалось, что такое же имя будет у ее мужа [Стародубцева, 2001, с. 141—142].

6. Веник как атрибут ряженных. *Разгонный веник*

В единичных фрагментах русских свадебных обрядов на территории современной Удмуртии веник использовался в качестве атрибута ряженных. В Якшур-Бодьинском районе веник использовался в сценке, где *снаряжончик парила ножки* кукле [Толкачева, 2011, с. 109].

Необычные для региона действия ряженных с веником на второй день свадьбы отмечены в деревне Котово Каракулинского района. Ряженные мазались сажей сами и обмазанным в саже веником *нахлопывали* встречных. В данном случае веник, выступая атрибутом ряженных, персонифицировался, был как бы действующим персонажем, поскольку сам был в саже — наряду с ряженными: *Отсидают за столом, поведут невесту по воду. Гости сряжаются — кто сажей мажутся, веник сажей намажут, встречных нахлопают* (информант М. Г. Шавкунова).

В Граховском районе Удмуртии этномузыкологом В. Г. Болдыревой зафиксирован необычный для региона свадебный эпизод, называемый *разгонный веник*. По сведениям В. Г. Болдыревой, в самом конце свадьбы родители молодого ставили на стол веник *коллем вверх*, то есть прутьями вверх, в знак того, что гостям пора расходиться. При этом пели особую песню. Данная обрядовая ситуация демонстрировала не свойственную русским свадебным обрядам Удмуртии функцию веника — отгонную [Виноградова и др., 1993, с. 32—33]. Смена пространственной ориентации веника при завершении всего свадебного ритуала противопоставлялась его «обычному» виду. Таким образом, вертикально торчащие прутья символизировали разъединение, освобождение. Веник, посредством водружения его на стол в перевернутом, «изнаночном» виде, выступал здесь как вещь, способная отогнать, разогнать присутствующих гостей, что и отразилось в названии свадебного эпизода.

Сходной семантической нагрузкой веник обладал в удмуртской традиционной культуре. Так, по утверждению профессора Т. Г. Владыкиной, при появлении в доме колдуна следовало перевернуть веник, что лишало колдуна его магической силы [Владыкина, 1992, с. 128].

7. Выводы

Таким образом, в традиционном свадебном обряде русских жителей Удмуртии веник выполнял разнообразные функции. В большинстве эпизодов веник символизировал или род жениха, или род невесты. В довенеч-

ных свадебных эпизодах — в обычае поездки по веники, в гаданиях невесты в бане накануне девешника — веник мог представлять и род жениха, и род невесты. Выметание сора веником на второй или третий день свадьбы символически обозначало завершение пространственного перехода невесты и приобщение ее к роду мужа.

На доминирующую символику веника как обиталища душ предков наслаивались другие свойства веника. Например, он выполнял медиативную (посредническую) функцию в свадебных гаданиях, в обычаях поездки *по веники* и *хлестания* ряженных. В этих свадебных эпизодах присутствие веника способствовало установлению благоприятных контактов как между представителями мира людей и «иногo» мира, так и между членами рода жениха и невесты. Сходной семантикой наделялись пряники, которыми жених (или его друзья) угощали невесту и ее подруг.

Свадебный веник концентрировал в себе мощную энергетику растительного мира: все информанты подчеркивают, что его изготавливали из березы.

Таким образом, очистительная функция веника в традиционном свадебном обряде русского населения Удмуртии проявлялась и на уровне символики, и на бытовом уровне. Наряду с мылом и мочалом веник преподносился невесте дружками в качестве подарка жениха. Веником *снаряжончики парили ножки* «будущего ребенка» молодоженов. С очистительной функцией смыкается отгонная семантика веника (*разгонный* веник).

Манипуляции с веником придавали свадебному обряду зрелищность, яркость, становясь частью смеховой культуры. В руках ряженных веник выступал символом «иногo» мира в традиционной свадьбе.

В удмуртской традиционной культуре и в свадебной обрядности русских жителей Удмуртии веник обладал сходными магическими свойствами. Так, «банный березовый веник воспринимается как обиталище душ предков, которому в ритуальных действиях приписывались магические свойства» [Владыкина и др., 2011, с. 31]. В свадебных ритуалах южных удмуртов и в свадебных обрядах русских жителей Удмуртии имели место параллельные обычаи — *пол чужон и сор / солому мести*.

Использование веника в русских свадебных обрядах Удмуртии может выступать маркером локальных фольклорных традиций региона. Так, поездка по веники встречается только на территории южной части Удмуртии. В обычае *солому мести* в северных районах Удмуртии веник заменяется метлой. В зависимости от этнокультурных условий формирования местных традиций русских жителей Удмуртии и последующих социальных трансформаций происходит активизация тех или иных элементов кодов — зрелищных, игровых, текстовых, магических, бытовых.

В региональных версиях русских свадебных обрядов России особенности ритуального использования венника частично совпадают с русской фольклорной традицией современной Удмуртии. Например, в Кармаскалинском и Гафурийском районах Башкортостана утром свадебного дня подружки невесты, шествуя к жениху, наряду с украшенным кустом репья брали с собой наряженный банный венник. Жених угощал девушек и вручал им для невесты мыло или духи [Голубева]. В традиционной свадьбе Свердловской области бытовали обрядовые действия *езда по венник* или *по мыло* и бросание невесты венником, мылом в подруг в довенечной бане [Калужникова]. Во Владимирской области «в субботу утром, накануне свадьбы, девушки *гуляли с венником*» [Данченкова]. В Архангельской области «с венником невесты гадали ее подружки» [Виноградова и др., 1993, с. 23]. По утверждению М. Г. Матлина, обрядовое действие *пахать пол / порошить / избу сорить / сор сорить / приходит за новью* на второй, реже — третий день традиционной свадьбы было зафиксировано по всей России [Матлин, 2015, с. 60].

Итак, семантическая нагрузка и ритуальный статус венника, варьирующие в зависимости от локальной свадебной традиции русского населения Удмуртской Республики, вида свадебного эпизода и цели его совершения, коррелируют с общей символикой свадебного ритуала.

Информанты

Обухова Агафья Семёновна, 1924 г. р., дер. Афонино Базезинского района Удмуртской Республики.

Селезнёва Лукерья Петровна, 1941 г. р., дер. Афонино Базезинского района Удмуртской Республики, уроженка дер. Лопья.

Макарова Екатерина Михайловна, 1928 г. р., село Сергино Базезинского района Удмуртской Республики, уроженка дер. Андриёнки.

Шавкунова Мария Григорьевна, 1923 г. р., дер. Котово Каракулинского района Удмуртской Республики, уроженка дер. Заборье.

Источники и принятые сокращения

НОА — *Научно-отраслевой* архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. Архив временного хранения. Фольклорно-этнографическая экспедиция 1994 года в Каракулинский район Удмуртской Республики. Автор записи — С. В. Стародубцева.

Литература

1. *Богаева А. Н.* Лексема *плечо* в русских поговорках : описание тезаурусного типа [Электронный ресурс] / А. Н. Богаева. — Режим доступа : <http://www.econf.rae.ru/fpdf/article204.pdf>.

2. *Болдырева В. Г.* Русская свадьба Сарапульского уезда Вятской губернии (опыт ареального исследования) / В. Г. Болдырева // Вятский родник : сборник материалов девятой научно-практической конференции. — Киров : КОДНТ, 2008. — Вып. 9. — С. 73—87.

3. *Владыкина Т. Г.* Удмуртские поверья в системе этносоциальной регламентации / Т. Г. Владыкина // Традиционное поведение и общение удмуртов : сборник статей. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1992. — С. 126—170.

4. *Владыкина Т. Г.* Веник / Т. Г. Владыкина, Г. А. Глухова // Ар-год-берган : обряды и праздники удмуртского календаря. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН; УдГУ, 2011. — С. 31. — (Удмуртская обрядовая азбука).

5. *Виноградова Г. Н.* Символический язык вещей : веник (метла) в славянских обрядах и верованиях / Г. Н. Виноградова, С. М. Толстая // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения-II. — Москва : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. — С. 3—36.

6. *Голубева М. С.* Свадебный обряд, песни и причитания русских старожилов Республики Башкортостан [Электронный ресурс] / М. С. Голубева. — Режим доступа : <http://www.culture.ru/objects/480/svadebniy-obryad-pesni-i-prichitaniya-russkikh-starozhilov-respubliki-bashkortostan>.

7. *Данченкова Н. Ю.* Традиционная свадьба в междуречье Клязьмы и Оки (Владимирская область) [Электронный ресурс] / Н. Ю. Данченкова. — Режим доступа : <http://www.culture.ru/objects/2102/traditsionnaya-svadba-v-mezhdureche-klyazmi-i-oki-vladimirskaya-oblast>.

8. *Матлин М. Г.* «Пахать пол» : своеобразие семантики свадебного термина / М. Г. Матлин // Научный диалог. — 2016. — № 1 (49). — С. 59—69.

9. *Окунева Т. В.* Современные экспедиционные исследования свадебной традиции удмуртов (по материалам Можгинского и Киясовского районов Удмуртской Республики) [Электронный ресурс] / Т. В. Окунева, И. В. Пчеловодова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) / Modern Research of Social Problems. — 2015. — № 2 (46). — С. 426—434. — Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-ekspeditsionnye-issledovaniya-svadebnoy-traditsii-udmurtov-po-materialam-mozhginskogo-i-kiyasovskogo-rayonov-udmurtskoy>.

10. *Калужникова Т. И.* Свадебный обряд русского населения Свердловской области и его музыкальное наполнение [Электронный ресурс] / Т. И. Калужникова. — Режим доступа : <http://www.culture.ru/objects/524/svadebniy-obryad-russkogo-naseleniya-verdlovskoy-oblasti-i-ego-muzikalnoe-napolnenie>.

11. *Стародубцева С. В.* Ох, распечальное моё сердечко (песни из репертуара Н. Е. Власовой) / С. В. Стародубцева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. — Вып. 1. — 226 с. — (Русский фольклор Удмуртии).

12. *Стародубцева С. В.* Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья / С. В. Стародубцева. — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. — 421 с.

13. *Толкачева С. В.* Гендерная специфика обычаев одаривания в русских свадебных обрядах Удмуртии / С. В. Толкачева / Ежегодник финно-угорских исследований. — 2011. — Вып. 4. — С. 99—112.

14. Толкачева С. В. Организация пространства в русских свадебных обрядах северных районов Удмуртии / С. В. Толкачева // Вестник Удмуртского университета. Серия 5. История и филология. — 2010. — Вып. 4. — С. 119—123.

15. Толкачева С. В. Русские традиционные свадебные песни и причитания южных районов Удмуртии / С. В. Толкачева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 8. — Ч. 2. — С. 29—36.

16. Толкачева С. В. Русский музыкальный свадебный фольклор Удмуртии : учебно-методическое пособие / С. В. Толкачева. — Ижевск : Удмуртский университет, 2013. — 60 с.

17. Толкачева С. В. Терминология чинов партии жениха в свадебных обрядах русских жителей Удмуртии / С. В. Толкачева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 3. — Ч. 3. — С. 162—167.

Broom as Attribute of Traditional Russian Wedding in Udmurt Republic

© **Tolkachova Svetlana Viktorovna (2017)**, PhD in Philology, senior research scientist, Department of Philological Research, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), svetlana-tolk@mail.ru.

The article is devoted to peculiarities of the symbolism and ritual functioning of one of the attributes of the Russian wedding rituals of modern Udmurt Republic — a broom. The elements of the wedding ritual in which a broom was used as a ritual object are characterized. Dialectal nominations of ritual action with the broom are given. Features of the functions of this wedding item are summarized. It is shown that sweeping with a broom on the second or third day of the wedding symbolically marked the completion of the spatial transition of the bride and bringing her to the family of the husband. It is noted that the broom performed mediation function in the wedding divinations, and in customs of “riding the brooms” and “whipping mummies.” It is indicated that the purifying function of a broom in a traditional wedding ceremony of the Russian population of Udmurtia was manifested at the level of symbols and at the household level. Distant semantics of a broom is considered on the example of the description of the custom of “dispersing broom,” recorded by V. G. Boldyreva. It is shown that some other wedding attributes have similar functions. There is a significant degree of variation in symbolic content and ritual status of a broom, depending on the dialect and folklore traditions, kind of wedding episode and the purpose of its commission.

Key words: traditional wedding; Russian folklore of Udmurtia, broom; attributive code.

Material resources

NOA — *Nauchno-otraslevoy arkhiv Udmurtskogo instituta istorii, yazyka i literatury Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. Arkhiv vremennogo khraneniya. Folklorno-etnograficheskaya ekspeditsiya 1994 goda v Karakulinskiy rayon Udmurtskoy Respubliki. Avtor zapisi — S. V. Starodubtseva.

References

- Bogaeva, A. N. *Leksema plecho v russkikh paremiyakh: opisaniye tezaurusnogo tipa*. Available at: <http://www.econf.rae.ru/fpdf/article204.pdf>. (In Russ.).
- Boldyreva, V. G. 2008. Russkaya svadba Sarapul'skogo uezda Vyatskoy gubernii (opyt arealnogo issledovaniya). In: *Vyatskiy rodnik: sbornik materialov devyatoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kirov: KODNT. 9: 73—87. (In Russ.).
- Danchenkova, N. Yu. Traditsionnaya svadba v mezhdurechye Klyazmy i Oki (Vladimirskaya oblast). Available at: <http://www.culture.ru/objects/2102/traditsionnaya-svadba-v-mezhdureche-klyazmi-i-oki-vladimirskaya-oblast>. (In Russ.).
- Golubeva, M. S. *Svadebnyy obryad, pesni i prichitaniya russkikh starozhilov Respubliki Bashkortostan*. Available at: <http://www.culture.ru/objects/480/svadebnyy-obryad-pesni-i-prichitaniya-russkikh-starozhilov-respubliki-bashkortostan>. (In Russ.).
- Kaluzhnikova, T. I. *Svadebnyy obryad russkogo naseleniya Sverdlovskoy oblasti i ego muzykalnoye napolneniye*. Available at: <http://www.culture.ru/objects/524/svadebnyy-obryad-russkogo-naseleniya-sverdlovskoy-oblasti-i-ego-muzikalnoe-napolnenie>. (In Russ.).
- Matlin, M. G. 2016. «Pakhat' pol»: svoeobraziye semantiki svadebnogo termina. [“Pakhat' Pol”: Peculiarities of Wedding Term Semantics]. *Nauchnyy dialog*, 1 (49): 59—69. (In Russ.).
- Okuneva, T. V., Pchelovodova, I. V. 2015. Sovremennyye ekspeditsionnyye issledovaniya svadebnoy traditsii udmurtov (po materialam Mozhginskogo i Kiyasovskogo rayonov Udmurtskoy Respubliki). *Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal) / Modern Research of Social Problems*, 2 (46): 426—434. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-ekspeditsionnye-issledovaniya-svadebnoy-traditsii-udmurtov-po-materialam-mozhginskogo-i-kiyasovskogo-rayonov-udmurtsoy>. (In Russ.).
- Starodubtseva, S. V. 1999. *Okh, rospechalnoye moye serdechko (pesni iz repertuara N. E. Vlasovoy)*. (Russkiy folklor Udmurtii). Izhevsk: UIYaL UrO RAN. 1. (In Russ.).
- Starodubtseva, S. V. 2001. *Russkaya khorovodnaya traditsiya Kamsko-Vyatskogo mezhdurechiya*. Izhevsk: UIYaL UrO RAN. (In Russ.).
- Tolkacheva, S. V. 2010. Organizatsiya prostranstva v russkikh svadebnykh obryadakh severnykh rayonov Udmurtii. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya 5. Istoriya i filologiya*. 4: 119—123. (In Russ.).
- Tolkacheva, S. V. 2011. Gendernaya spetsifika obychaev odarivaniya v russkikh svadebnykh obryadakh Udmurtii. In: *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 4: 99—112. (In Russ.).
- Tolkacheva, S. V. 2013. *Russkiy muzykalnyy svadebnyy folklor Udmurtii: uchebno-metodicheskoye posobiye*. Izhevsk: Udmurtskiy universitet. (In Russ.).
- Tolkacheva, S. V. 2015. Terminologiya chinov partii zhenikha v svadebnykh obryadakh russkikh zhitel'ey Udmurtii. *Filologicheskoye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 3 (3): 162—167. (In Russ.).

- Tolkacheva, S. V. 2016. Russkiye traditsionnyye svadebnyye pesni i prichitaniya yuzhnykh rayonov Udmurtii. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 8 (2): 29—36. (In Russ.).
- Vinogradova, G. N., Tolstaya, S. M. 1993. Simvolicheskiy yazyk veshchey: venik (metla) v slavyanskikh obryadakh i verovaniyakh. In: *Simvolicheskiy yazyk traditsionnoy kultury. Balkanskiye chteniya-II*. Moskva: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN. 3—36. (In Russ.).
- Vladykina, T. G. 1992. Udmurtskiye poveriya v sisteme etnosotsialnoy reglamentatsii. In: *Traditsionnoye povedeniye i obshcheniye udmurtov. Sbornik statey*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. 126—170. (In Russ.).
- Vladykina, T. G., Glukhova, G. A. 2011. Venik. In: *Ar-god-bergan: obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN; UdGU. 31. (In Russ.).